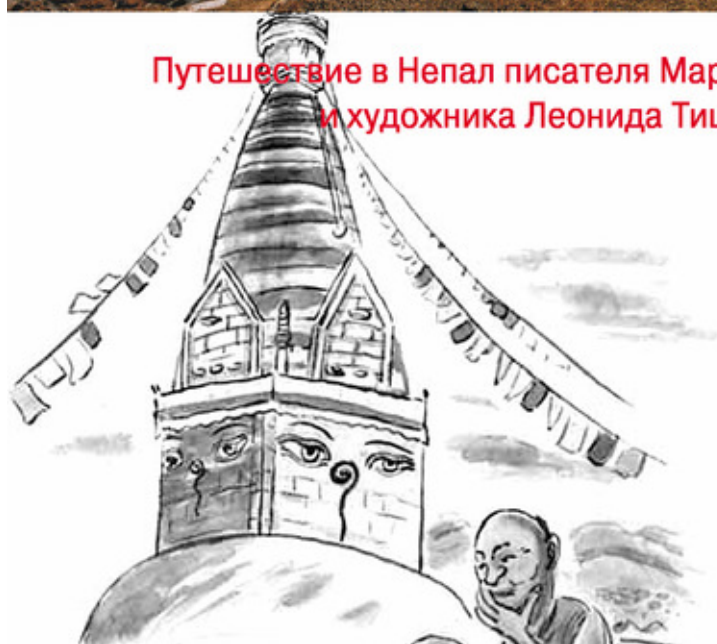

Марина Москвина

ДОРОГА НА АННАПУРНУ

Путешествие в Непал писателя Марины Москвиной
и художника Леонида Тишкова

Марина Львовна Москвина Дорога на Аннапурну

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4245495
Москвина М. Дорога на Аннапурну: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-59611-9*

Аннотация

На этот раз путь их лежал в королевство Непал. Вместе с ними мы растворимся в толпе живописных обитателей Катманду... А главное, совершим восхождение на гору Аннапурну – в самое сердце Высоких Гималаев. Что они пережили и как вернулись обратно – об этом рассказывает книга «Дорога на Аннапурну», несмотря на весь драматизм полная юмора, веселых рисунков и увлекательных историй из жизни этого загадочного района Земли.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марина Москвина Дорога на Аннапурну Путешествие в Непал писателя Марины Москвиной и художника Леонида Тишкова

*The surface of the Earth is the shore of the Cosmic ocean.
Karl Sagan*

*– В путь так в путь, – сказал сэр Уэллер, проваливаясь в пропасть.
Чарльз Диккенс*

Глава 1 Как мы не полетели в Катманду

– О-мм, – пела я во сне, скрестив ноги на серой скале.

– О-ом, – пели рядом четыре буддийских монаха, такие же бритоголовые, как я.

Мы сидим с ними кругом, под нами летает орел и плывет грозовая тяжелая черная туча. Но мы устремляем взоры к сияющей ледяной вершине, раздвоенной, как рыбий хвост, и пребываем в единстве с природой Будды. Никто из нас пятерых сейчас не боится смерти. Если в течение этой песни тебя потревожит смерть, ты достигнешь бездонной чистоты, глубокого покоя, запредельной ясности, словом, просветления.

Внезапно пять ярких радуг прорезали небо. И лишь пустая одежда, которую мы когда-то носили, упала на камни.

Несколько раз я видела этот сон. Точка в точку повторенный, без малейших изменений. Встанешь и поешь потом целый день:

– Ом! – Запекая на кухне бутербродики с сыром.

– Ом! – Когда варю семье каши и борщи, гуляю во дворе с собакой, шагаю с сумками в прачечную или бегу с авоськой за хлебом.

И мне подпевают во всеуслышанье заоблачные мои бритоголовые товарищи.

Всякий раз я рассказывала об этом сне мужу Лёне. Всякий раз говорила ему:

– Лёня, радость моя, вот где мне бы хотелось когда-нибудь побывать. Боже мой! Хоть когда-нибудь!!! Горы Гималаи, страна Непал...

– Я тебе обещаю, – он отвечал. – Ты там побываешь.

И вот однажды приходит он домой и говорит:

– Случилась удивительная вещь. Сажу я в мастерской, пишу картину – два метра на четыре – «Инопланетянин и ангел», вдруг телефонный звонок. Звонит мой земляк, уральский художник Володя Наседкин. Они там у себя на Урале задумали художественный проект «Урал – Гималаи – Тибет». Им эту экспедицию спонсируют альпинисты. Так что в конце апреля мы – группа продвинутых художников с Урала – отправимся в Непал.

– ... а я? – говорю я упавшим голосом.

– Что – *ты*? – удивился Лёня. – Ты что, уральский художник? Пойми, туда едут серьезные люди, мои друзья, крепкие уральские парни: один Наседкин Володя чего стоит! Шабуров Саша – Иисус Христос. Брюханов и два Пономарева. Пономарев-первый – капитан, он был матросом, бороздил моря и океаны, сейчас раскрашивает подводные лодки. Второй Пономарев – музыкант, у него ансамбль тибетской древней музыки!.. Вот я уже и карту купил, – говорит Лёня. – Ведь я сын учителя географии, мне без карты никак нельзя.

И он разворачивает перед моим носом бело-голубую карту, где белое – это вечные высокогорные снега, а голубое – зеленые долины и влажные субтропики.

– Вот оно, Королевство Непал, – торжественно объявляет Лёня. – Вот Главный Гималайский Хребет или Большие Гималаи. Гора Эверест. Монастырь Тхьямбоче. Там, кстати, хранится скальп снежного человека. Вокруг Эвереста громадный Национальный парк. Смотри, нарисован снежный барс, винторогие козлы и эдельвейсы. Это долина Катманду – музей под открытым небом. А в четырех километрах от столицы – буддийский монастырь и древнейшая ступа Будднатх: девятьсот метров в окружности, наиглавнейшая реликвия тибетского буддизма в Непале, ей две тысячи лет! Священная река Бхагмати. Как все подробно изображено. Храм Па-шу-па-ти-натх! Тут очень почетной считается кремация, – доверительно сообщает Лёня. – Тебя сжигают и твой пепел сбрасывают в воды Бхагмати, чтобы он доплыл до еще более священного Ганга! А вот область Лумбини, граничащая с Индией! Там джунгли, дикая жара, слоны, бенгальские тигры, черные носороги, крокодилы, и здесь родился Будда! Короче, как я погляжу, Непал, – подвел итог Лёня, сворачивая карту, – это жемчужина Индийского полуострова.

– Так, – я сказала. – Кому снился *сон*? Мне? Или уральским художникам? Кто должен ехать в Непал, взбираться на древнюю буддийскую ступу, крутить колесо вечности и возжигать благовония, распевая мантры? Кто днями напролет в нашем забытом богом Орехово-Борисове изучает священные тексты прямо на тибетском языке о развитии Великого Совершенства, о смерти и освобождении? В общем, так: я прощу тебе все, но никогда не прощу, что ты не взял меня в Катманду!

Лёня мрачно стал ходить из угла в угол. Наконец он сказал:

– С Наседкиным я насчет тебя договорюсь. Но платить за твой билет нам придется самим. И учти, на дорогу уйдет весь семейный бюджет. Ты готова к тому, что мы съездим на несколько дней в Непал – ...и все?

– Да, готова, – сказала я.

А наш сын Серёня сказал:

– Ну, вы полные психи.

И мы начали подготовку к путешествию.

Во-первых, провели серьезную двухнедельную противомалаярийную блокаду.

Второе – по двум потрепанным брошюрам времен застоя мы с Лёней тщательно изучили достопримечательности Непала, монастыри, пагоды и ступы, местные обычаи и обряды, фауну, флору и некоторые народные приметы: например, оба приняли к сведению, что не стоит лакомиться ушами ворованного слона – голова заболит. И не надо есть подгорелый рис, а то поглупеешь.

Все это время Володя Наседкин являл собой чудо организаторского таланта: звонил, беспокоился, как идет подготовка, а чтобы наше посольство в Непале оказало уральцам всемерную поддержку, пообещал, что я, московский детский писатель, привезу в подарок их детям свои книги плюс книги столичных классиков детской литературы с дружескими автографами! И устрою им яркое запоминающееся выступление.

– А ты готов к встрече с местными богами? – спросила я у Наседкина по телефону.

– Это и будет содержанием нашего художественного проекта, – ответил он.

Но на всякий случай раздобыл для каждого участника экспедиции какую-то неправдоподобную суперстраховку.

– Даже если твое тело надо будет на вертолете снять с вершины Эвереста, а потом его снова туда водрузить, это можно будет осуществить по Володиной страховке, – с гордостью говорил Лёня.

Он вообще так гордился Володей, что даже не забрал у него авиабилеты, которые Наседкин приобрел при помощи туристической фирмы «Кайлас», названной так в честь священной горы, где отдыхает от забот и треволнений мира великий бог Шива – покровитель Непала. Мы только знали, что рейс «Москва – Катманду» бывает редко – раз в две недели. И самолет летит вечером двадцать третьего апреля.

Поэтому двадцать второго апреля в субботу без лишней спешки я раскладывала на диване и стульях наши новые кроссовки, куртки, майки... Эмоции сдержанны, нервы как струна, сосредоточенность полная. Отправила отца за «байгоном» от злых непальских комаров. Он вернулся и говорит:

– Там есть «байгон» только от непальских муравьев. В муравейник кладешь, поджигаешь, дымовая завеса и все муравьи разбегаются – кто в сторону Индии, кто в сторону Китая. Продащица мне так сказала. Я не стал покупать. Сто рублей назад принес.

Я его накормила обедом. Он поел, попрощался, дал мне отцовское благословение и ушел.

Тут приходит Лёня с мешком лекарств. Он был единогласно назначен уральцами главным врачом экспедиции. Так что на всех закупил жемчужную россыпь желудочных средств, антибиотиков, пластырей от мозолей в случае далеких переходов, средства от укусов ядовитых змей и насекомых, мази от ожогов, от обморожений, одноразовые шприцы, аппарат для измерения давления, сердечные капли, активированный уголь, обезболивающее, обеззараживающее, транквилизаторы для легковозбудимых участников экспедиции, таких, как Саша Шабуров, антидепрессанты для всех остальных, средства от цинги, витамины, минеральная подкормка – все это он разыскал, притащил, мой заботливый Лёня, и положил в безразмерный рюкзак экстремального красного цвета.

Лёня специально его приобрел для непальского путешествия. Я слышала, как один продавец спросил другого: «Зачем этот тип купил такой красный рюкзак?» А второй ему ответил: «Зато он нигде не потеряется. Его будет видно с вертолета».

Затем: сухие супы, сухое пюре, чай, кофе, целебные травы, видеокамера, два фотоаппарата – один специальный, чтобы передать натуральный цвет неба, не засвеченного солнцем, второй – тяжеленный, с панорамным объективом – его всучил Лёне фотохудожник Валерий Силаев.

– Не с «мыльницей же», – сказал он, – лететь в такие места на Земле!

Сидим – раздумываем, что берем, что не берем, ведь впереди сутки, и нам еще сто раз позвонит Наседкин и скажет, во сколько завтра встречаемся в Шереметьево. Поздний вечер, двенадцать – начало первого, мы собираемся ложиться спать.

*Рюкзак - мой друг,
товарищ и брат!*

Вдруг зазвонил телефон.

– Кто это – так поздно? – Лёня поднимает трубку.

Дальше я слышу, он говорит:

– Володя, ты шутишь?.. Так ведь сегодня двадцать второе, а ты говорил двадцать третьего ночью... Что «сутки с ночи начинаются не с дня»? Как – регистрация закончилась?! Во сколько наш рейс? В час ноль пять?!!

Он кладет трубку, и мы с ним стоим окаменелые.

– Пять минут на сборы, – тихо говорит Лёня.

Как мы с ним кинемся! Как забегаем! Побросали все, что могли в рюкзаки без разбору! Напялили первое попавшееся, я влезла, босая, в кроссовки и почему-то бросилась чистить зубы, закрывшись в ванной. Лёня рвется, кричит:

– *ЧТО ТЫ ТАМ ДЕЛАЕШЬ???*

А сам выкладывает из рюкзака штатив от камеры.

– Я штатив не возьму, – кричит. – Лишняя тяжесть!

– Ты с ума сошел! – кричу я. – Чем мы будем обороняться от обезьян?

– Где моя соломенная шапка, – кричит Лёня, – как у Редьярда Киплинга, когда он жил в Кумаоне???

Через *семь минут* наш сын Серёня толкнул нас в лифт, а еще через полминуты мы бежали ночным двором под звездным небом Орехово-Борисова в дичайших клетчатых штанах и ярчайших куртках. Из кармана у Лёни выглядывал маленький человек Никодим, которого я сшила из мягких тряпочек, а Лёня мне позировал. Мои новые кроссовки сияли в темноте серебряными катафотами, а Лёнины соломенная шапка и красный рюкзак экстремального туриста будоражили воображение подростков, пивших пиво у подъезда.

Вдруг Лёня остановился и закричал:

– Стоп! Я должен вернуться!!!

– Что??? Что такое?

– Я забыл... *КАРТУ НЕПАЛА!!!*

– Ни шагу назад! – я кричу. – *Там как-нибудь сориентируемся!*

Выбегаем на шоссе. Берем машину. Лёня водителю:

– В Шереметьево! Скорей! У нас самолет в час ноль пять.

Водитель:

– Твой самолет, парень, уже улетел.

А Лёня:

– Гони, друг! Успеешь – договоримся.

Двадцать минут первого мы мчали из одного конца города в другой со скоростью сто тридцать километров в час. Дороги, к счастью, были свободны. За Кольцевой мы понеслись так, что нам казалось, мы не касаемся колесами асфальта. В час ноль три, почти не дыша, мы взбегали на второй этаж аэропорта Шереметьева. Навстречу нам выскакивает взъерошенный молодой человек в зелененьком клетчатом пиджаке из турагентства «Кайлас» и на ходу, протягивая наши билеты, бормочет:

– Бегите к таможне. Последний рейс. Все работники Аэрофлота уже ушли. Я попробую поискать кого-нибудь, кто вам выпишет посадочный талон.

Не понимая, какая нас ждет судьба, запыхавшиеся, возбужденные, мы проходим безлюдными полутемными лабиринтами и за стеклом видим сонную таможенницу.

– Скорее, скорее!.. – зовет ее Лёня. – Самолет еще не взлетел!

– Где ваш посадочный талон? – говорит она равнодушно.

– Вам его принесут, – обещает ей Лёня. – Пропустите нас. А то Володя Наседкин, мой лучший уральский друг, не позволит поднять в небо самолет.

Вдалеке мы видим, как отчаянно мечется по залу и рвется в закрытые двери клетчатый зелененький пиджак турагента из «Кайласа». Час пятнадцать. Время идет. И ясно, что наш самолет нас ждать не будет.

Лёня встал, навалился локтями на бортик и закрыл глаза.

Я говорю:

– Лёня! Радость моя! Не переживай, полное спокойствие.

А Лёня:

– Ну, ты же сама потом будешь говорить...

А я:

– Клянусь мамой, я ничего тебе не скажу. Ни слова упрека! Это божественное провидение.

– Выходит, что Бог меня не любит?.. – спросил Лёня, чуть не плача.

– Что ты такое говоришь??? – я отвечаю. – Как можно *тебя* не любить?!!

В пустынные лабиринты с наглухо замурованным от нас летным полем входит наш турагент. Он медленно идет к нам и уже на почтительном расстоянии начинает разводить руки в стороны.

В полутьме я вижу только разведенные кисти рук и еще раз понимаю, какой это гениальный красноречивый жест.

– Самолет взлетел, – произносит он совершенно излишнюю фразу.

В тот миг у Лёни родились эти поэтические строки, посвященные нашему спутнику и товарищу – тряпичному Никодиму:

*Какой бы ни был маленький человек
все равно не пройдет таможеню
паспорта нет у него и никогда не было
напрасно он ищет его в своем рюкзаке
кроме сухих травинки и тряпочных крыльев
нет там ничего – но
офицер отпустит его когда
человек напишет для него Дао дэ цзин*

Мы выходим на улицу, снова берем такси. Турагент едет с нами; конечно, он огорчен, но учтите, он говорит, все всегда происходит так, как и должно быть.

– Где вы это прочитали? – я угрюмо спрашиваю.

– У Саи Бабы, – он смеется. – Ведь мы на Индийский полуостров отправляем не только «челноков», туристов, но и паломников. Иной раз на одном рейсе летят буддисты, индуисты, кришнаиты, бабаджисты, последователи Саи Бабы... Так что мы тоже в курсе восточной философии.

Дальше он говорит:

– Билеты ваши пропали. Групповые билеты не обмениваются и не принимают обратно. У вас есть шанс догнать свою группу, если вы купите новые билеты – сначала до Индии, прилетите в Дели, а там как-нибудь достанете билет до Катманду. Так будет добираться второй Пономарев.

– Ну, передайте ему тогда, – говорит Лёня, – вот эти лекарства.

(Шабуров Саша в своих путевых заметках потом написал: «Такая масштабная цель, как поездка в Гималаи, не каждому по плечу. Присоединившийся было к уральцам Лёня Тишков заявил:

– Экспедиции нужен врач!!! Я буду вашим доктором! Дайте мне сто долларов на медикаменты!.. – После чего ни Лёни, ни лекарств никто не видел, ибо самолет в Непал он проспал.»)

– Не огорчайтесь, – сказал наш мудрый турагент, вышел из машины и растаял в ночи. А мы поехали дальше.

– Как съездили? Откуда возвращаетесь? – с любопытством стал спрашивать водитель.

Все окна темные. Только у нас горело окно.

– Я думал, вы все-таки успели, – сказал Серёня. – Самолет держали до часа двадцати пяти. Я следил по Интернету. Маленький такой нарисованный самолетик. «Москва – Катманду». Он стоял-стоял, потом раз! и улетел.

– Давай завтра пойдем гулять в Коломенское? – пробормотал Лёня, засыпая.

– Конечно, пойдем! – сказала я.

Глава 2

О том, как мы все-таки полетели

Всю следующую неделю мы вяло позванивали в «Кайлас», они в свою очередь вяло размахивали нашими билетами перед носом у Аэрофлота, пытаясь хоть сколько-нибудь нам вернуть, хотя бы малюсенькую страховку. Все напрасно. И я попросила Лёню забрать у них авиабилеты. Мне захотелось вывесить их на стенке в нашем изголовье. Чтоб эти билеты напоминали нам о тех сказочных, неведомых далях, в которые мы могли бы попасть, но они отодвинулись, как горизонт, и остались недосягаемыми.

Естественно, Лёня отправился в турагентство в субботу, в предпраздничный нерабочий день – на завтра была Пасха, послезавтра Первое Мая. Ну, ему за его страдания оставили билеты у вахтера. Он сунул их в карман и пошел гулять по Москве. Тепло, все цветет – сирень, вишни, яблони, желтые одуванчики...

Он и не заметил, как очутился на Коровьем валу. Смотрит – кассы Аэрофлота. Ряд стеклянных витрин, зазывающих в разные страны.

Кассы закрыты.

Все кассы были закрыты, *кроме одной*. Он толкнул дверь и вошел. У компьютера сидела женщина.

– Садитесь, – сказала она.

Лёня сел... и начал свой рассказ. Он рассказывал ей о своем детстве, о тихом уральском городке Нижние Серги, в котором он родился и вырос, о том, что сам он – сын географа, врач по образованию, а по призванию художник. Подробно обрисовал сюжет картины «Ангел с инопланетянином». И плавно перешел к тому, что никогда не мечтал ни об Индии, ни о Непале. Жена – та, действительно, как ненормальная, спит и видит во сне Королевство Непал. Но как бы там ни было – вот они билеты, а мы с женой – тоже вот они, хотя это явный парадокс.

Картина окончена - что вперед!

Женщина взяла у него билеты и сказала:

– Первое, что мы сделаем с ними – это переведем из групповых в индивидуальные. Теперь посмотрим, есть ли в самолете свободные места. Рейс в Катманду будет ровно через неделю.

– Ой, надо же! – воскликнула она. – Как раз два места у окошка. И два обратно – через две недели. Ровно два!

И пока она выписывала новые авиабилеты на седьмое мая, Лёня, ошарашенный, сидел перед ней, не смея верить в реальность происходящего.

– Только не перепутайте, – просто сказала она, провожая его до двери. – Ночь седьмого – значит шестого вечером. Час ноль пять. За два часа до отлета начинается регистрация. Счастливого пути!

– И тут я обнял ее, – рассказывал мне Лёня. – И хотя она была крупная женщина в зрелом возрасте, ну, знаешь, начальник смены агентства по продаже билетов Аэрофлота – мне показалось, я обнял воздух.

Это был ангел.

А мы опять предстали перед таможенным контролем.

– Зачем вы едете в Непал? – строго спросил нас с Лёней таможенник, пронзительно глядя нам прямо в глаза.

– Я уже и не знаю, – ответил Лёня.

Хотя он как раз имел четкий и ясный план действий. Незадолго до нашего фальстарта он отправился с фотоаппаратом в зоопарк и часа четыре снимал там животных из гималайского региона. Он снял трех бурых гималайских медведей плюс одного черного с белой грудью, потом крупным планом лицо гималайского орла и гималайского журавля, тоскливый взгляд из-за решетки мохнатого винторогого козла и нежнейшую белоснежную птицу колпицу – лопатеня с длинными ногами и крупным, плоским, расширенным на конце в виде лопаты клювом.

— Как много зверей в зоопарке, которых вывезли насильно из Гималаев злые люди! — сокрушался Лёня. — А я проведу акцию противостояния. Я напечатаю большие фотографии этих животных, отвезу в Непал, помешу их портреты в естественную среду обитания и сфотографирую. Это будут фотографии фотографий — грустный и поэтический акт беспомощности, жест отчаяния, показывающий миру, что нельзя быть такими безжалостными.

— Но это не все, — сказал Лёня, понизив голос. — Тут присутствует еще один аспект — магический, поскольку фотография всегда в какой-то мере забирает тени и души, тело света и тело сна...

И вот мы летим над целым миром, Леня выпил вина – свою долю и мою, расслабился, закайфовал и сразу сочинил экспромт про непальца, который мирно спал слева от него, по-детски подперев щеку рукой, украшенной золотым кольцом с огромнейшим сапфиром.

– Непалец, – громко продекламировал Лёня, – Надел перстень на палец!

Тут нас заинтересовала надпись на майке у одного парня. Текст был на английском, а сверху нарисовано густое зеленое дерево.

«Сначала я думал, что боролся за жизнь дерева, потом – что боролся за сохранение Амазонской сельвы.

Теперь я понял, что борюсь за человека».

Чико Мендес,

убитый в борьбе за сохранение Амазонской сельвы

Вообще этот самолет был наполнен удивительнейшими типами, из тех, кого увидишь случайно на улице и долго-долго будешь смотреть ему вслед.

Какой-то взъерошенный рыжий ирландец в круглых очках летел в Индостан искать истоки происхождения человечества, а также пути миграции древнего человека оттуда по всему миру. Не больше и не меньше.

Российские офтальмологи, сидевшие неподалеку от нас с Лёней, надеялись, на сей раз *еще ближе* подойти к заветным горным пещерам, в которых – они это вывели у верховных тибетских лам – до наших дней сохранился так называемый генофонд человечества из людей разных эпох и цивилизаций, в том числе атлантов и лемурианцев. Погруженные в состояние глубокой сосредоточенности и медитации, тысячелетиями сидят эти носители божественного знания в тайных гималайских пещерах, предназначенные подстраховать жизнь на поверхности Земли. В случае глобальных катастроф, которые время от времени случаются у нас на планете, именно они помогают людям не одичать или дают ростки новой человеческой жизни.

Кто-то летел в Непал курить гашиш.

Двое харьковчан – муж с женой – направлялись в Лумбини на родину Будды.

Конечно, я сразу захотела отправиться с ними в *места, озаренные славою, где Прекраснейший среди всех существ, Великолепнейший из всех творений, как благодатное пламя, как созвездие Тельца, как пылкое осеннее солнце в безоблачном небе, родился на благо и счастье людей...*

Однако быстро выяснилось, что эта парочка в тренировочных костюмах целенаправленно едет в джунгли – ловить и продавать тропических бабочек. Такой уж у них семейный бизнес. Нам с Лёней они очень не понравились.

Кто-то намеревался сплавляться на лодках по бурным непальским рекам. Кто-то планировал покорить Эверест. Хотя в мае уже начинают дуть муссонные ветры, несущие влагу с Индийского океана, лить муссонные дожди. И облака заволакивают вершины.

Один там Валера в солидном возрасте из Владикавказа с двумя аспирантами вообще собирался и сплавиться по бурной реке, и покорить Джомолунгму, но только боялся, что не успеет обернуться к отлету самолета.

Причем эти экстраординарные люди были столь радушны, что уже на рассвете, когда погасли звезды, а первые лучи солнца осветили под крылом «Ил-86» выжженные пустыни, пересохшие русла рек и желто-коричневые кратеры – то ли ландшафты Марса, то ли Луны, нам с Лёней всю предлагали:

– А что, ребята, давайте и вы с нами?

Мы прямо не знали, что выбрать. И даже подспудно стали подумывать, а не пуститься ли на утлой лодчонке по какой-нибудь стремительной гималайской реке – только в спасательном жилете и в каске, поскольку мой муж Лёня умеет плавать исключительно на спине при тихой погоде, в спокойной обстановке.

Все это многообразие намерений было вызвано диковинным рельефом страны Непал, которая хотя и сосредоточена в самой сердцевине Гималайских гор – на юге у нее расстилается Индо-Гангская равнина с тропическими джунглями, в центральной части раскинулись высокие горные хребты Махабхарата и более низкорослая горная цепь Чурия.

...А уж на севере возвышаются вот эти самые, суровые Гималаи – величайшее на Земле скопление занесенных снегом гор. На древнеиндийском языке санскрите «хима» означает «снег», «алайя» – «обитель», одним словом, «Хималайя» – Обитель Снегов.

Восемь ее вершин из четырнадцати на целом Земном шаре (как их только измерили? – думала я в детстве, да и сейчас для меня это большая загадка!) достигают более восьми тысяч метров. Особое удовольствие огласить их священные имена.

Джомолунгма (Эверест) или Сагарматха – по-непальски «Властелин Неба» – 8848 метров! На границе трех стран – индийского королевства Сикким, Китая и Непала – пятиглавая Канченджанга – 8585 метров. Пока не уточнили высоту Эвереста, Канченджангу считали самой высокой в мире. Жители Гималаев поговаривают, что на этой горе обитает бог богатства, и на пяти ее вершинах он разложил пять главных своих сокровищ: соль – «ца», золото и бирюзу – «сер дханг ю», священные книги – «дхамчой дханг нор», оружие – «мзон» и «лотхог дханг мен» – зерно и лекарства. Поэтому название горы Канг-чхэн-джа-лнга по-тибетски означает «Пять Сокровищ Великого Снега». Где-то среди ее вершин – вход в священную страну Шамбалу.

...Лхоцзе, Макалу, Чо-Ойю, Дхаулагири, Манаслу, Аннапурна – просто произнести это для меня всегда была большая радость. А уж увидеть своими глазами! Как говорит мой друг Седов: «Может, у тебя, Маринка, и хорошая карма, но с Гималаями ты явно перебарщиваешь!»

Долгое время северные Гималаи скрывали ото всей Земли древнюю долину Катманду. Разве туда доберешься через сплошные пики небесные и отроги?

Зато в районе королевства Мустанг, до наших дней почти недоступного белому человеку, граница Непала охватывает часть Тибетского нагорья – самую что ни на есть высокогорную пустыню Бхот, истинную Крышу Мира! Сюда не докатываются муссоны, несущие влагу с Индийского океана, а сквозь гималайские коридоры дуют чудовищной силы ветры.

Вот как у меня все, как в настоящей географической книге, будто бы пишет какой-нибудь ученый, а не такой лопух, у которого всю жизнь была тройка по географии.

Да, пришла пора признаться, что я – несбывшийся географ. Я – очарованный странник, пьянеющий от одного только слова «плато», «пролив» или «перешеек»! И если бы Гималаи не позволили мне приблизиться к ним, пасть ниц у подножия, посыпать главу гималайскою пылью веков и омочить ладони в своих ледяных клокочущих реках, то им самим пришлось бы надвинуться на Южный округ Москвы в районе Зябликово и вознестись в небеса перед моим окном на девятом этаже, так я их страшно хотела повидать – со всеми их чудесами!

Именно там, в Гималаях, бродит снежный человек – йети (или точнее о йехти), чей протяжный крик, говорят, можно услышать с наступлением сумерек, да и увидеть его самого иногда удастся в зимние месяцы, когда это мохнатое существо спускается из холодной альпийской зоны ближе к человеческому жилью. Сияющие же НЛО, наоборот, поднимаются в небо чуть ли не из близлежащей долины. В подземном королевстве Агартха (на санскрите – «недоступный», «неуязвимый») восседает Король Мира. И насчет высокогорного царства Шамбала (оно же Шангри-ла и Тарсиг), страны Махатм или Великих Мастеров, которые вершат судьбы человечества, – еще со времен знаменитой тибетско-гималайской экспеди-

ции Николая Рериха никто не сомневается! (Правда, Рерих так и не ступил на землю Шамбалы, зато вестники этой мифической страны являлись ему сами, писали письма и Николаю Константиновичу, и некоторым другим достойным адресатам...)

«Письма Махатм», оригиналы которых сейчас хранятся в Британском музее в Лондоне, переведенные на русский язык, прокомментированные Еленой Ивановной Рерих, подарил мне на день рождения Толя Топчиев, моя первая любовь, профессор географии и, между прочим, родной внук доктора Рябинина, сопровождавшего когда-то экспедицию Рериха.

Толик нам настоятельно советовал купить карту рельефа Непала.

– Без карты рельефа в Непале вообще делать нечего! – наставлял нас Толя перед нашим отъездом. – К тому же, – он говорил, – вам надо обязательно купить и взять с собой в Непал велосипеды!

Мы с Лёней послушно отправились в спортивный магазин, долго выбирали, какие подешевле и полегче, так ни на чем и не остановились, и хороши бы мы с ним были *с велосипедами*, когда в ту безумную ночь опоздали на самолет...

Потом я увидела знакомую красную землю Индии, равнина, равнина, и вдруг – совершенно внезапно – на нас накатили горы. Зеленые, лесистые, *заоблачные*, казалось, необитаемые – редкий случай, когда вспыхивало солнце, отраженное плоской крышей человеческого жилья. Наш самолет почти касался брюхом древесных крон, и всякий раз, чтобы перелететь через вершину этих высоченных гор, нам надо было хоть немного забирать повыше.

Никодим, не отрываясь, глядел в иллюминатор самолета, весь в солнечных лучах. А Лёня летящим почерком записывал на листочке:

*горы вдали как рисунок тушью
человечек на журавле верхом
летит над синими горами
кто-то внизу поднимает голову
кто – не вижу не успеваю увидеть*

Глава 3

Джай Непал!

Мы приземлились в Катманду, и, что интересно, волею случая вновь *не встретились* с нашими уральскими друзьями! Хотя именно в момент, когда мы с Лёней, взволнованные, входили в здание аэропорта Трибхуван, они ступили на летное поле, решительно направляясь к тому самому самолету, на котором мы прибыли в Непал!

Одиссей возвращался, пространством и временем полный.

Семеро из них во главе с Володей Наседкиным, преодолев четыре перевала выше пяти тысяч метров над уровнем моря, совершили путешествие на джипах через Гималаи по Тибетскому плато до священного города Лхаса (тибетцы произносят это слово, будто подзывают маленькую птичку «Ласа, Ласа!»), что означает «обитель богов». Сюда, гордо говорили потом уральцы, не смогли доехать ни Рерих, ни Блаватская, ни даже Пржевальский.

Слава Пономарев, музыкант, поселился в монастыре в Катманду, внимал музыке сфер. Шабуров – Иисус Христос посетил родину Будды в Лумбини, вживался в образ пустытника Сиддхартхи Гаутамы, одаренного знанием и благими подвигами. Кто-то вдоволь покатался на слонах в Королевском национальном парке, кто-то на вертолете облетел вокруг Эвереста, наблюдая восход солнца над Гималаями.

А может, мы с Лёней их просто не узнали после того, что они тут пережили? Недаром народная непальская пословица гласит: «Если три дня не видел друга – смотри на него новыми глазами».

Теперь я представляю себе, как эти ребята – обветренные, бронзовые от загара, не глядя по сторонам, проходят сквозь нас, а мы – сквозь них, будто в разных измерениях – несоприкасающихся. Как они шагают к самолету, только-только закончив прощальный пикник в тени кустарника на берегу великой реки Брахмапутры, блистательно освоившие непальский тост: «Джай Непал!» – «Да здравствует Непал!», китайское выражение «все будет в порядке!» – «все будет хуй хаодэ!» и тибетское слово «ца» – «соль». Пономарев Саша даже стал автором небольшого тибетского стихотворения:

Хорошо посыпать ца с утреца на два яйца!

Это бы нонсенс был, если бы такие люди вдруг обратили на нас свое внимание.

Поэтому, никем не замеченные, мы с Лёней вышли на другом конце Земли и моментально растеряли всех приобретенных по дороге попутчиков.

Оглушенные, растерянные, мы замерли на обочине дороги, даже не представляя, что нам предпринять. Пыль, жара! К нам подскочила шумная толпа непальцев. Они стали радостно выхватывать из рук наши вещи, что очень нервировало Лёню. Он боялся, они схватят его фотоаппараты, видеокамеру и убегут, – такие непальцы легкие, быстрые, зыбкие, как дельтапланеристы.

Около стоянки «такси», качая головой, помахивая хоботом, стоял, переминался с ноги на ногу слон – с вожатым в нарядной набедренной повязке. И тот и другой были пышно убраны цветами.

Я кричу:

– Лёня! Лёня! Поедем в Катманду на слоне?

– Ну вот еще! – сказал Лёня. – Во-первых, мы можем с непривычки соскользнуть со слона. ...И сколько будет стоять такая поездка? Вдруг прокатиться на слоне – это целое

состояние? Пока мы в Непале не пустим корни, не обустроимся, нам лучше не забираться на такую высоту.

Поэтому на облезлом разболтанном автомобиле по колдобинам в клубах пыли нас повезли в отель «Центр мира». Кажется, мы там с Лёней были единственные постояльцы. Очень уж нам оказывались изрядные почести: распахивали перед носом парадную дверь туда и обратно, а во дворе швейцар с золотыми галунами – сколько раз пройдешь мимо него, столько раз вытягивался во фрунт и отдавал честь.

Наступила пора менять деньги. Лёня отдал в окошечко совсем новую пятидесятидолларовую бумажку, а ему аккуратнo на ладони протянули ветхие непальские рупии с картинками. Если б мы первый раз получили такие потрепанные жизнью банкноты, грозящие рассыпаться во прах при первом прикосновении, то пришли бы в неопиcуемый ужас, как два года назад в Индии, но мы-то опытные путешественники по Индостану.

На бумажке в пятьсот рупий были нарисованы тигры, сотенная – с носорогами, десять рупий – винторогий козел, знаменитый гималайский, пятьдесят рупий – другой козел, с мохнатой шеей, пятерочка – яки, рупия – скачущие газели, а на обратной стороне везде король.

одна непальская рупия

Непальского короля в очках и в средневековом шлеме со страшным пером на макушке, по-видимому, страусиным, звали Бирендра Бир Бикрам Шах Дев (он тут считался воплощением бога Вишну), а также Махараджа-Хираджа (Великий государь государей) или даже Шри-Пани-Махараджа-Хираджа (тот же титул, усиленный пятикратно).

Его Величество был десятым по счету королем династии Шахов, в конце восемнадцатого века объединивших Непал. Королеву звали Айшварья Раджья Лакшми Деви Шах. В центре столицы – дендропарк с их дворцом, названный Нарайанхити в честь очень древнего водного ключа, бьющего где-то в южном углу на дворцовой территории.

Вскоре до нас дошли слухи, что король имеет обыкновение, переодевшись простым крестьянином, обходить окрестные лавки – даже кошке не возбраняется на него посмотреть.

И один раз в году ворота в королевский дворец Нарайанхити распахнуты любому, кто пожелает, чтобы монарх благословил его и поставил на лоб красное пятнышко – тилак.

Такой в Непале был сказочный восточный король. Хотя он когда-то учился в престижной английской школе в Итоне. А во время школьных каникул через высокие горные перевалы шерпы на спинах приносили будущего Махараджа-Хираджу домой.

Кстати, купленный им первый автомобиль точно так же пришлось транспортировать через перевалы, предварительно разобрав на части, и беззаботный юный Бирендра катался на нем вокруг дворца.

Я Лёне предлагала пойти со мной поприветствовать королевскую семью, прогуляться у них в дендропарке, омыть лицо из древнего источника.

– Как ты себе это представляешь? – возмущенно говорил Лёня.

– Просто постучим в ворота! – я отвечала, уверенная, что постучать-то можно куда угодно: если двери суждено открыться – она откроется, а нет – и не надо.

Но Лёня артачился и говорил вот эту фразу, которую я очень не люблю:

– Чего я там забыл?

Как-то воспринял мое предложение «без огонька».

Он и в Киото на прием к японскому императору отказался со мной пойти, мотивируя свой отказ тем, что тот нас не приглашал.

Ну и что, что не приглашал! Он же не знает, что мы приехали!..

В Индии я со слезами просилась на маленьком самолетике слетать к Далай-ламе в Дхарамсалу. Посидеть с ним, поговорить, а то и просто помолчать. Он в определенные дни и часы официально принимает население.

И туда – тоже нет.

– Что Далай-ламе с тобой встречаться? – удивлялся Лёня. – Ты же не Гребенщиков и не Ричард Гир!..

А когда мы вернулись из Индии домой, то сделал вырезку из газеты – портрет малыша, такого серьезного, внимательного, и подпись:

«1939 год. Далай-ламе 4 года, мальчик еще не знает, что он – Гьялва Римпоче, драгоценное божество».

Плюс – уже взрослое, зрелое высказывание этого ребенка спустя сорок лет:

«Будда учил, что для человека существуют три главные драгоценности и три главных яда.

Три драгоценности:

Не делать зла.

Творить добро.

Очищать разум.

Три яда:

Страстное желание

Ненависть

Невежество».

– Вот и все дела, – с легкостью вздохнул Лёня.

Так мы и не заглянули к королю Бирендре, хотя в Катманду, как всегда, царила благостная и вполне располагающая к душевной встрече с королевской четой патриархальная атмосфера, столь свойственная безмятежной истории Непала.

Эту благословенную страну не сотрясали войны и жестокие революции, варвары всех времен и народов обходили ее стороной. Видимо, сам тысячеглазый Индра не сводил с нее очарованного взора, веками проявляя религиозную и прочую терпимость. Поэтому тут

сохранились в неприкосновенности древние буддийские и индуистские храмы, памятники богам всех видов и мастей, статуи святых и королей, святилища, буддийские ступы, мусульманские реликвии, средневековое искусство, и буквально в каждом дворе можно повстречать жемчужины архитектуры – сокровища, которые теперь считает своим долгом защищать Организация Объединенных Наций. Лишь землетрясения угрожали этой красоте, да и то не такие сокрушительные, как в Японии. Здесь вообще не чувствовалось опасности, в самом воздухе не было и тени вражды, а только одно сплошное дружелюбие.

Ей-богу, мы просто не поверили своим ушам, когда год спустя мир содрогнулся от ужасной вести: непальский кронпринц уничтожил всю свою королевскую семью.

Версия событий напоминает шекспировскую драму: кронпринц Дипендра, нежная душа, любитель поэзии и музыки, преданно шагал по стопам отца: учился в Итонском колледже, много путешествовал, по примеру старика Бирендры научился пилотировать вертолет, летал над Гималаями...

Потом пришла пора, и он влюбился. Его избранницей стала дочь бывшего министра правительства. Но королева-мать возникла на пути у высоких чувств: Ашварья Раджья Лакшми Деви Шах сватала сыну девушку из семьи сестры короля Бирендры. (Кстати, ходят слухи, что королевские астрологи предрекали Бирендре смерть, если его сын женится до тридцати пяти лет. Кронпринцу исполнилось двадцать девять.)

Летним вечером в пятницу, когда королевская семья собралась в гостиную поужинать, принц объявил родителям о своем намерении жениться по любви. Те, наверное, строго ему ответили: «Нет, нет и нет!» И на протяжении всего ужина растолковывали Дипендре, что короли женятся не по любви, а по расчету.

Кронпринц вспылил, выскочил из-за стола, где-то мгновенно раздобыл две автоматические винтовки, вернулся в гостиную и открыл шквальный огонь.

Так погибли король Бирендра и королева Ашварья, их дети принц Нираджан и принцесса Шрути Рана, две сестры короля и еще несколько родственников.

А несчастный влюбленный, помутившись рассудком, пустил себе пулю в висок. Некоторое время он находился в коме. И, следуя непальским законам, растерянный госссовет был вынужден провозгласить этого парня – королем.

Представляю, как лихорадило Непал с его конституционной монархией и дюжиной компартий – от умеренной Объединенной марксистско-ленинской до нелегальной троцкистско-маоистской, которая функционирует в джунглях; с его никакой экономикой; зажатого с двух сторон пристрастными Индией и Китаем...

Регентом был назначен младший брат Бирендры – пятидесятичетырехлетний принц Гьянендра, на свое счастье отсутствовавший на том историческом ужине. Непальские журналисты охарактеризовали его как «жесткого управленца», «имеющего склонность к огромным тратам», что «крайне раздражало покойного монарха».

Сын Гьянендры тоже не произвел на перепуганный народ благоприятного впечатления: несмотря на свой юный возраст, он в мелких стычках уже успел застрелить *нескольких* человек.

...В общем, правильно мы сделали, что не пошли гулять в этот их дендропарк.
И точка.

Глава 4

Урал – старший брат Гималаев!

Нам стоило отдохнуть с дороги, немного успокоиться, прежде чем выйти в город из нашего «Центра Мира» и уже затеряться в толпе. За окном очень близко располагалось кирпичное строение, по форме напоминавшее фрегат в разрезе. Там была палуба, нос, корма, несколько кают, грузовой отсек, а вместо парусов надувались и трепетали на бельевой веревке воздушные сари. Причем по всей «палубе» были разложены самые невероятные, немыслимых фасонов и расцветок, безумные карнавальные шляпы, штук их лежало сто! Пес лаял, щебетали птицы, смех, пенье, разговоры, такая царила праздничная атмосфера! А уж из-за «фрегата» с улицы надвигалось неслыханное по глубине звучание – может быть, поющих раковин, может быть, гималайских горнов.

Мы выскочили из отеля и поспешили мощеной булыжником мостовой на этот звук. Я шла потрясенная, вытаращив глаза, с разинутой варежкой, потому что Непал, о котором я только и грезил, обрушился на меня в своем великолепии.

Средневековый город гудел, как шмелиное гнездо. Толпы людей плыли по его узким улицам – поистине вавилонское столпотворение! Ибо тут были густо перемешаны народы всего мира. Сами непальцы смело своими силами могут возродить Вавилонскую башню – тут и индуисты, буддисты, приверженцы ислама и стойкие последователи серьезных и древних шаманских культов, непали, майтхили, бходжпури, таманги, тхару, невары, авадхи, гурунги, раи, манары...

Толпы приезжих с плывущим взором разгуливали туда-сюда!

Даже не верилось, что до середины прошедшего века взглянуть на Непал удалось всего-навсего пятидесяти иностранцам. И это за многотысячелетнюю историю страны! Еще каких-нибудь сорок лет назад Белые ворота Катманду были закрыты для чужеземцев.

А тут – пожалуйста, со всей душой, вдоль уходящих за горизонт рыночных рядов, магазинчиков, лавочек идет фантасмагорическая торговля древностями, бесценными кладами и сокровищами: на витринах и на прилавках лежат украшения гималайских племен и народов – киратов, бхотов, лимбу, лепча и кхампа. Ковры – невиданные! Вышивка по черному бархату золотыми нитями, кашмирскими жемчугами. Простые домотканые одежды с орнаментом из мифических животных, позолоченные райские птицы, бронзовые индуистские божества.

И Будды, Будды, Будды – всех видов и мастей, сидящие на лотосе «в лотосе», одной рукой касающиеся Неба, другой Земли, – бронзовые, серебряные, золотые, яшмовые, сандаловые, можжевеловые; причем каждый с той неповторимой, на всю вселенную прогремевшей блаженной улыбкой, которую мне – со своей – придурковатой, – боюсь, никогда не постичь, как я ни разгуливай по Непалу и как ни увлекайся буддийской и дзэн-буддийской литературой.

Тибетцы по-солидному торгуют оккультными вещами: резные печатные доски, монастырские свитки, молитвенные флажки, колокольчики, ритуальные ножи и раковины... Доспехи и холодное оружие бхотов, шерпские валяные сапоги, раздвижные трубы, гонги...

Прохаживаясь вдоль торговых рядов Катманду, можно пожать руку и перекинуться словом чуть ли не со всеми гималайскими племенами и народами.

Бхоты крепкие, сильные, они здорово отличаются от непальцев или хрупкого с виду народа лепча – древнейшего из обитателей Гималаев (а то и вообще на Земле!). Существует предание, что бог-творец создал первых людей, предков лепча, из ледников Канченджанги.

Сам себя этот добродушный народец раньше называл ронгпа – «жители долин», однако непальцы, не понимавшие языка ронгпа, окрестили их «лепча» – «говорящие чепуху».

Лепча – невысокие, как шестиклассники, улыбчивые. И обладают до того мягким нравом, что это отражается на их внешнем виде: редкий случай, когда у кого-то из мужчин-лепча растёт борода.

Мне они очень понравились, я потом разузнала, что язык лепча, действительно, совершенно особенный, но все-таки многое почерпнувший у тибетцев. Лепча имеет собственную письменность, очень оригинальную, старинную! И, что интересно, они создали ее на основе тибетской скорописи. Тибетский язык и сам переполнен непроизносимыми префиксами, суффиксами, подписными и надписными буквами – правила произношения этого всего непостижимы! Так лепчи еще добавили туда несколько букв для передачи каких-то особенных звуков, отсутствующих в тибетском, зато характерных для языка лепча.

– Лепча... лепча... что-то знакомое, – говорит Лёня. – А-а-а! Моя родная улица на Урале в Нижних Сергах называется улица Лепсе. Кто он был, откуда, не знаю, наверно, герой Гражданской войны. Эта улица под горой раньше называлась Нудовская, потому что по ней было нудно уголь возить на завод. Потом ее и дальше звали Нудовская, а «Лепсе» никто не хотел называть. Я там родился и прожил до третьего класса!

– Улица Лепсе! – радовался Лёня. – В сущности, тот же лепча! Ну-ка сфотографируй меня с ними, – он подошел к двум симпатичным лепчам и обнял их за плечи. Те моментально обняли его в ответ, засияли, разулыбались.

– Уралцы, – сказал им Лёня, показывая на себя, – каким-то образом связаны с лепчами! – он указал по очереди на одного лепчу, потом на другого.

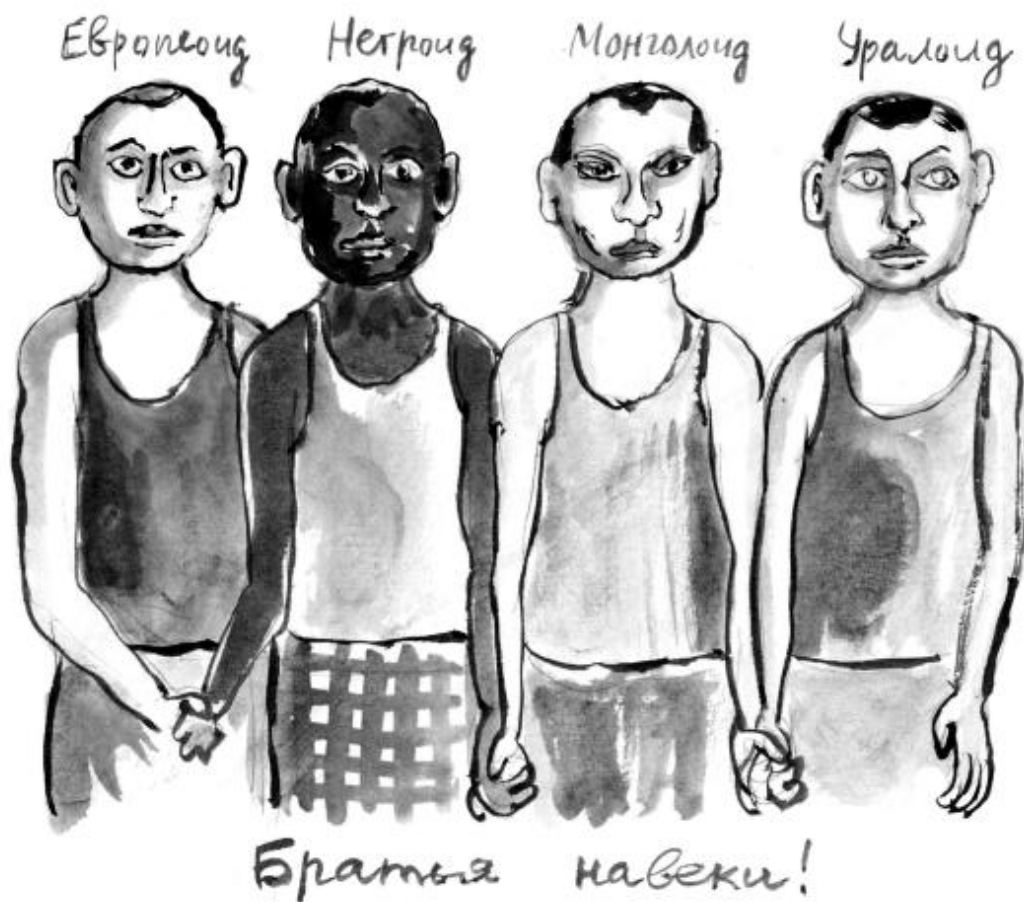
Те закивали с готовностью, радостно, полные доверия к Лёниным научным изысканиям.

– У меня есть такая теория, – стал Лёня рассказывать этим замечательным ребятам на смеси английского, хинди и непали, – что Урал и Гималаи – это единый хребет. Понимаете, если протянуть линию вниз от Урала, то она как раз перейдет в Гималаи. Урал, конечно, постарше Гималаев, но линия общая. А судя по тому, что у нас улица под горой называлась «Лепсе», вы, лепчи, тоже имеете отношение к уральцам!.. Только вы монголоиды, – он им говорит, – а мы – ...уралоиды.

Вокруг Лёни стала собираться толпа зевак, понаехавших сюда со всего мира, разные хиппи и растаманы. Я благоразумно отошла в сторонку, а он им давай растолковывать на пальцах:

– Уралоиды – промежуточное утерянное звено между монголоидами и европеоидами. Наука это оспаривает, а жизнь подтверждает! Рядом поставь их – ничего общего. Значит, должно существовать что-то среднее. Что? Уралоид. Художника Валеру Корчагина знаете из Нижнего Тагила? Он первый вывел уралоида в своей работе «Расы людей Земли». Сначала он выкрасил себя черной ваксой, сфотографировал и написал: «Негроид». Потом прищурился, сфотографировал и написал: «Монголоид». «Европеоид» – он просто себя сфотографировал. А потом высветлил на фотографии свои глаза до такой степени, что они стали прозрачно-небесные, – и написал: «Уралоид».

– В общем, мы, уралоиды, – такие же лепчи среди русских, как вы – среди тибетцев! – подвел итог Лёня.

За всей этой сценой с большим интересом стоял-наблюдал классический, в нашем понимании, тибетец. А я со стороны – наблюдала за тибетцем. На нем был бордовый шерстяной халат с длинными рукавами, такая же свободная рубашка, штаны и мягкие тибетские сапоги без каблуков. Карманы в этом костюме заменяла вместительная пазуха, где у него хранилось вот какое добро: деревянная чашка для чая, трубка, табак, спички, ножичек, кошелек, четки, молитвенное колесо, иголки, нитки и большой кусок сыра.

Время от времени он выуживал то одно, то другое из-за пазухи – чай пил, курил, перебирал четки. На глаза у него была нахлобучена шляпа, а к поясу прикреплен кинжал. Он как раз торговал кинжалами и мечами. Правда, нам потом объяснили, что именно эти мечи и кинжалы служат исключительно орудием труда.

Мы часто думаем о Тибете как о более примитивном и безграмотном – с его кочевниками, полуразрушенными башнями монастырей и яками. Да, яки – особая песня Тибета. Когда нынешний Далай-лама – Гьялва Ринпоче – впервые приехал в Нью-Йорк, один репортер спросил его:

– О чем, удалившись в изгнание, вы больше всего скучаете из своей тибетской жизни?

Его Святейшество ответил, ни секунды не раздумывая:

– О яке.

Рерих пишет, к этому мохнатому теплому зверю в Гималаях настолько трепетное отношение, что «с песней входят к дикому яку, чтобы он, оставив свирепость, поделился молоком своим».

А между тем, каждая тибетская семья мечтала иметь среди близких родственников хотя бы одного ученого или йога. Все понимали, что «и на вора надо десять лет учиться»,

как гласит непальская пословица, а уж мало-мальское обучение *по такой специальности* потребует лет двадцать-тридцать света божьего не видать – это для начала!..

Там было повальным национальным увлечением сочинительство. Я даже не знаю, кто смог бы соперничать по плодовитости с тибетским писателем. Для Тибета привычен писатель, перу которого принадлежат тысячи сочинений различной величины. Причиной тому, возможно, долгая, суровая гималайская зима или кристальная чистота атмосферы на Крыше Мира.

Пристрастившись к высокогорному гималайскому чаю и ячмю сыру, на собственном опыте обнаружила я, что огромное количество тибетского чая, которое приходится на душу населения страны, очень стимулирует литературное творчество!

Факт остается фактом: тибетский народ – самый пишущий народ, известный на этой планете.

Вторгшись в Тибет, китайцы уничтожили уйму монастырских библиотек, но они *физически* не смогли стереть с лица Земли миллионы литературных трудов тибетцев – практически полностью духовного содержания! Это бесподобные жизнеописания просветленных мастеров, руководства по медитации, магии, алхимии, целительству, толкования духовных практик, книги по философии, искусству, медицине, религии, истории, множество оккультных материалов, прозрения, размышления о смерти и непостоянстве, поэмы, молитвы, песни о просветлении и целое море ритуальных наставлений, связанных с жизнью после смерти.

В одной из торговых лавочек в Катманду я присмотрела тибетскую книгу, судя по рисункам, магического содержания. Тибетские книги не переплетаются: страницы складывают в стопку, а обложкой служат две деревянные доски. Потом все это заворачивают в кусок шелковой ткани, к ней прикрепляется этикетка с названием произведения, и книга ставится на полку.

Мне показалась книжка по-настоящему древней, написанной на том старотибетском языке, который служил языком духовности и учености во многих районах севера Индии, включая Ладакх, Северный Непал, Сикким, Бутан и Ассам...

Но художник Олег Лысцов, добравшийся с уральцами до Лхасы, в своих путевых записках отмечает, что в самом Тибете на базаре Баркхор все тибетские товары куда более древние и настоящие, чем антиквариат на прилавках в Катманду.

К тому же в Тибете можно потрогать старинные расписные шаманские чаши из человеческих черепов. Подудеть в канлин – специальную трубу из человеческой бедренной кости, стукнуть в кожаный барабан из ячьего черепа.

Зато первоначальные цены и в Лхасе, и в Катманду все объявляют одинаково астрономические, заранее имея в виду, что покупатель начнет торговаться, а потом сойдутся на половине – к обоюдной радости. Зачем упускать отличную возможность пообщаться? Если ты сразу выхватываешь кошелек и платишь столько, сколько заломил продавец – в надежде поболтать с тобой о том о сем, – местное население может воспринять это как обиду. Ясно, что ты бестрепетный, нерадивый, равнодушный, полностью не заинтересованный ни в чем человек.

А если ведешь торг искусно и артистично, как капитан подлодки Саша Пономарев на базаре Баркхор, пересыпая свою непонятную речь китайскими да тибетскими словечками, балагуришь, улыбаешься, похлопываешь собеседника по плечу, ты будешь в центре всеобщего внимания и обожания.

Правда, не ясно, чем это могло закончиться для Пономарева, когда толпа возбужденных его красотой и манерами тибетских женщин взяла его в трепетное кольцо, признаваясь во внезапно вспыхнувшем чувстве. В тот день Лысцов записал в своем дневнике:

«Только длинная складная труба рагдонг, купленная в соседней лавке, помогла Саше выбраться из окружения».

А Пономарев Саша, вдохновленный этим происшествием, сочинил еще одно тибетское стихотворение:

Я из Лхасы в Катманду – потащу свою дуду...

Что ж касается Тишкова Лёни, он в тот день не купил ничего, кроме нескольких палочек благовоний с незамысловатым запахом костра.

– Наша экспедиция только начинается, – сказал Лёня. – Чем она обернется – неизвестно. Лучше нам оставаться легкими, как дым.

Глава 5

Шестирукое время

Мы настолько ошалели от всего, что забрели в харчевню, где нам дали сильно перченых пельменей с пивом чанг.

Непальские пельмени «момо» наполняются самыми разными начинками: единственное, чего в них не может оказаться, – это говядины, потому что корову нельзя употреблять в пищу ни буддистам, ни индуистам. Все остальное – пожалуйста: с курятиной, козлятиной, ячьим мясом...

Мы попросили момо с овощами, поскольку считаем себя с Лёней *спонтанными вегетарианцами* — то есть по возможности стараемся увильнуть от съедения кого бы то ни было, но не афишируем это, не ставим себе в заслугу, а если уже ничего нельзя поделаться, то тихо сидим в уголке и едим что дают.

Лёня только спрашивает в таких случаях:

– ...Это не мясо дикого вепря?

Как правило, ему отвечают:

– Нет.

– А-а, ну тогда можно, – говорит он, давая понять, что у него существуют свои незыблемые религиозные запреты.

Когда-то мы с ним и Серёней даже сочинили по этому поводу песню и весело распевали ее. Правда, Серёня был с ней не согласен. Первые строчки такие:

*Баранью ногу запечем
И поперхнемся ею!..*

Однажды к нам в гости заглянула моя подруга Роза Султанова – красавица, ученый-музыковед, с некоторых пор она с семьей живет в Лондоне. В наши зрелые годы она вдруг освоила старинный восточный инструмент дутар, разучила фольклорные песни, танцы и бытовые сценки, пошила себе узбекский национальный костюм и... блистательно выступила перед английскими лордами в Вестминстерском Дворце. Потом проехала с гастролями по Франции, ей рукоплескали Америка, Япония и Китай.

И вот из родного Ташкента в Лондон Роза для своей семьи везла конскую колбасу. Ей, конечно, хотелось, чтобы мы ее отведали.

– Чем я вас сейчас угощу! – радостно воскликнула она за ужином.

Тут вся наша троица погрузилась в сумрачную меланхолию.

А Серёня сказал с печальным вздохом:

– Коней мы едим только в тяжелую годину...

Мы и нашего английского сеттера Лакки почти восемнадцать лет приучали прохладно относиться к мясной пище. На его шестнадцатом году нам вдруг позвонили из элитного клуба «Цезарь» и сказали, что для Лакки бесплатно будет доставлен домой новогодний подарок в виде изысканных фирменных консервов. Какие он больше любит? Из козленочка или из теленочка? Или из ягненочка с поросеночком?

Хорошо Лакки не слышал, что предлагают на том конце провода, а то бы он выхватил у меня телефонную трубку и честно признался: тащите, мол, и то, и другое, и третье, и четвертое. Только поскорее!!!

Но я строго ответила:

– Куриные с кашей и овощами!

В праздничной упаковке вместе с замечательными консервами, которыми никто бы не погнушался из моей семьи, нам передали визитную карточку. По высеченному на позолоте номеру телефона мы с легкостью могли отныне получать консультации о мероприятиях в элитном клубе «Цезарь»: всяких собачьих вечеринках, фуршетах, театральных представлениях с клоунами, дансингах и других веселых развлечений, а также прилагался пропуск в клубный ресторан, куда можно – со скидкой – сходить пообедать всей семьей, включая и людей!

Мы:

– Лакки! – закричали. – Что ж ты нас не пригласил в ресторан праздновать свое шестнадцатилетие, когда у тебя такие возможности?!

Нет, я, конечно, понимаю: вегетарианство не слишком убедительно свидетельствует о праведности и благочестии. Жители Тибета, например, – мясоеды. До того там суровые условия, что без мяса никак нельзя. Но сама потихоньку стараюсь отойти от этой тибетской традиции.

Хотя Серёня все же сомневается в моей искренности. Как-то раз обиделся, что я съела его пельмени с лососем. Надулся и говорит:

– Я теперь буду только с мясом пельмени покупать! Да и то – со слоновым или с кенгуру. А и тут я подозреваю, – указал он на меня пальцем, – что ты съешь все и скажешь: «Надо же! Эти кенгуру не только симпатичные, но и вкусные!»

Я же отвечала ему:

– Сынок! Знаешь ли ты, что сказано об *оскверняющем* в «Корзине речей» несравненного Будды? «Разрушение жизни живых существ – вот что оскверняет человека, а не скоромная пища. Грубость и жестокость, оставление других без помощи, предательство и надменность – вот что оскверняет человека, а не скоромная пища. Ненависть и печаль, жадность и самолюбие, тревога и сомнения – оскверняют нас. Все исчезает здесь, как угасают, мерцая, лесные огни, – так говорил Учитель Великого Понимания. – Кто разгадал этот путь гибели и восстановления, чьи поступки никому не приносят страдания ни вверху, ни внизу, ни вдаль, ни в середине, кто, охраняя жизнь всех существ: и тех, которые робки, и тех, которые смелы и сильны, видит в них себя, не убивает и не поощряет убийства, – того назову я истинно сострадательным. Озаренного мудростью, свободного от обладания, не опьяненного страстью, – назову я очищенным и неоскверненным...»

А Серёня:

– Есть такие люди, которые думают, что все – братья. Как правило, это люди, у которых нет ни машины, ни мобильного телефона – ничего.

Вот такие «братья» – то ли голландцы, то ли бельгийцы, в разношенных кроссовках на босу ногу, ели за соседним столиком «момо» с овощами. Решив, что мы тоже по этому делу в Катманду, – они заманили нас с Лёней в курильню опиума, где нам приветливо предложили на выбор марихуану, настой мухоморов и ЛСД. Но мы как-то не решились.

– И так ты, Марин, – Лёня говорит, – всегда и везде себя чувствуешь «под мухомором». А у меня жизненное кредо на сегодня на шесть часов вечера по непальскому времени таково: «Ничто не пьянит так, как трезвость!»

Кстати, о непальском времени: в центре города посреди площади на базальтовой глыбе высечен рельеф ужасающего шестирукого божества, увенчанного короной и перевязью из черепов. Так вот, потрясая мечом и трезубцем, он пляшет на слоноголовом существе, да еще прихлебывает из черепа дымящуюся кровь.

В связи с кровавым пиршеством губы его с подбородком разукрашены кармином, сам он иссиня-черный, белки глаз сияют фосфорическим блеском, белый цветок лотоса он держит в одной из шести рук, а над ним два огненных солнца пламенеют в звездном небе! Ну, это такая, скажу я вам, жизнерадостная картина – с космическим размахом! Хотя там явно происходило что-то кошмарное.

Уральский путешественник Шабуров в своих путевых заметках сообщает, что этот монумент уже четыреста лет стоит напротив главного полицейского участка и считается, по местным поверьям, старейшим детектором лжи. Теперь к услугам его прибегают редко, а раньше перед статуей обвиняемый либо падал замертво, либо сознавался в содеянном зле.

В общем, я решила с ним сфотографироваться. Только я к нему приблизилась, у меня тут же остановились часы. Сначала я не придавала этому особого значения, подумала – села батарейка. А потом выясняется, что этот громадный вселенский плясун – одно из воплоще-

ний бога Шивы. Индуисты называют его Кала Бхайрава, что означает Великий Черный или Ужасное Всепожигающее Время.

Более мягкие и нежные, чем индуисты, буддисты зовут его Махакала – Божество Великого Времени. Но и те, и другие отлично знают, что время в Непале, охраняемое Махакалой, течет не так разрушительно, как везде, – пока ОН пляшет, время замедляет свой бег...

А в самом центре Катманду на Дарбар-сквер время и вовсе замерло. То, что нас там окружило, можно лишь увидеть во сне или в каком-нибудь фильме про древние восточные дела: средневековые дворцы и храмы, воздушные многоярусные пагоды, каменные божества, выраставшие прямо из земли... Фонтаны, бьющие из золотых кранов. Большой колокол, Большой барабан и, наконец, огромное позолоченное лицо Света Бхайравы, в обычные дни его заслоняет решетчатый деревянный экран. Открывается золотой лик только во время праздника Индра-Джатра – Бога дождя Индры.

И тут же за десять рупий нам с Лёней предложили посмотреть живую богиню. Лёня на всякий случай сразу отказался. А я поинтересовалась – чье-де это воплощение, и из какого пантеона?

Оказывается, живой богиней может стать любая трехлетняя девочка из касты ювелиров по золоту, прошедшая довольно суровый конкурс. Прежде всего, у нее должны быть тридцать две божественных особенности – какой-то определенный цвет глаз, тембр голоса и так далее, о чем судить лишь астрологам и священнослужителям.

Сначала выбирают самых прекрасных, самых женственных: живая богиня Кумари – это человеческое воплощение многоликой, но очень юной женской энергии, царящей в мироздании.

Дальше начинаются разные ужасы: истинная богиня должна пройти через испытание, которое не всякий взрослый выдержит, а ребенок – вообще один из тысячи. Девчонок оставляют одних на ночь в комнате, уставленной изваяниями чудовищ. И вот мифические звери начинают «оживать», освещенные пламенем свечей. В этот миг с истошными воплями в комнату врываются люди в масках. Ну, тут тебе и шествие скелетов, прекрасно организованное, и расчленение трупов... Полный набор, чтобы нормальному человеку завопить во все горло и броситься бежать.

Так, собственно, все и делают – кроме одной-единственной девочки. Причем всякий раз одной, вот в чем загадка! Девчонка спокойно смотрит на этот тарарам, пока всем становится ясно, что это не обычное человеческое существо.

Потом она безошибочно узнает свои вещи и предметы, принадлежавшие ей в прошлой жизни. (Новое воплощение Далай-ламы тоже так ищут – это надежный, проверенный способ!)

Тогда ее ведут к королевскому брахману, тот благословляет ее и до двенадцати лет объявляет богиней Кумари – покровительницей Непала.

Кумари все любят и уважают, именно к ней отправляется на ежегодное поклонение король, чтобы спросить разрешения, можно ли ему дальше править страной.

Живет она отшельницей, окруженная жрецами. Лишь один раз в году, как у Лакшми, Сарасвати – более зрелых богинь, у крошки Кумари тоже есть свой праздник. Ее вывезут на шумные, бушующие улицы, где будут плясать огромные маски. Три дня и три ночи танцует весь Непал, пока богиня Кумари объезжает с дозором опекаемый ею город. Сам король выйдет на площадь, чтоб на глазах у своего народа склониться перед ее таинственной властью. А возле храма Нараяна, расположенного как раз напротив ее жилища, пронесутся образы Бога Времени Махакалы и его жены Махалакшми.

Целый год вспоминает Кумари о сладостных минутах своего торжества, сидя в заточении как раз на центральной площади Дарбар, где мы волею случая оказались. Вход в ее дом охраняют огромные каменные львы. Но если ты немного заплатишь, то вступи во дво-

рик, богиня выглянет в окошко, и ты увидишь ее бесстрастное лицо с подведенными черной тушью глазами и разверстым «божественным оком», нарисованным у нее на лбу.

– Я не пойду смотреть, – ворчливо сказал Лёня. – Я буду все время думать, как она станет жить, когда все кончится. Как вернется домой, чем займется? Удастся ли, я не знаю, вот этой девушке найти себе дело по душе?

Я говорю:

– Тебе это трудно понять, поскольку ты, Лёня, придерживаешься иных космогонических концепций.

– Я вот каких придерживаюсь концепций: детям нашей планеты – счастливое детство, – сказал Лёня и до того строго взглянул на двух типчиков, которые за небольшую сумму хотели явить нам живую богиню, что те стушевались и растворились в закатных сумерках.

Глава 6

Очи Будды

– Наверное, в этом Непале большое количество прохиндеев, – гуляя, доброжелательно говорил Лёня, придерживая на животе кошелек. Он шел и налево-направо категорически отказывался от всевозможных непальских услуг – например, сфотографироваться с факиром, который собирался повесить ему на шею кобру.

Потом он отверг призывы уличного брадобрея. Тот мимикой и жестом дал нам понять, что негоже такому парню, как Лёня Тишков, расхаживать по Непалу с клокастой рыжей бородой.

О том, чтобы кто-нибудь из желающих предсказал нам судьбу, как всегда, не было и речи, хотя предлагали различные способы: тибетские ламы – по трещинам на бараньей лопатке, какие-то совсем уж черные колдуны – по птичьим перьям, шкуре леопарда, помету буйвола, белым бобам и огню.

Зато непальские народные целители заманивали Лёню, учуяв в нем врача нашей с ним экспедиции, оставшейся вообще без всяких лекарств, на серьезные медицинские препараты, вроде скелетов лягушек и летучих мышей, баночек с тигровым жиром, мускусом и желчью медведя, черных магических камней, толченого жемчуга...

Ох, маме бы они моей понравились, Люсе, противнице традиционной медицины. Она как-то простудилась, пошла в поликлинику и четыре с половиной часа просидела в очереди к районному терапевту.

Мы – ей:

– Как? Люся??? Ты – ветеран Отечественной войны, тебе – девятый десяток! Почему ты не рванула без очереди?

Она отвечает:

– Ну, там такие женщины сидели больные, хмурые, они были бы недовольны, что я – самая веселая и хорошенькая из них – прошла вперед!

Доктор ее прослушал, обнаружил у нее воспаление легких и выписал антибиотики. Но Люся отказалась их принимать – из-за возможности побочных явлений: в аннотации было написано, что ей будут сниться кошмары.

– А если ты не будешь лечиться, – воскликнула я в отчаянии, – они будут сниться мне!

Каждый день я, Лёня, Серега звонили ей и умоляли:

– Люся! Пей, пей лекарства, на кого ж ты нас хочешь покинуть?

На что она отвечала с досадой:

– О, боже, какой ужас, я даже не могу сказать, что я одинокая, никому не нужная старушка!!!

Лёня Тишков – тот, наоборот, неистовый аллопат, пропащий человек для народных целителей, особенно непальских.

Ну, а на чем знахари Катманду окончательно потеряли его как покупателя, еще не обретя, так это на оздоровительных бумажных полосках с молитвами, обращенными к таинственной богине Гухешвари.

Какой-то кругляшок печеный женщина ему совала в рот – Лёня стиснул зубы и не взял из гигиенических соображений. Мне не дал выпить сока, тут же выжатого из сахарного тростника – собственноручно – стариком в пестрой феске с кисточкой.

– Они вообще моют руки под проточную воду? – спрашивал себя Лёня и не находил ответа.

Это был день, когда мы собрались взойти на Обезьянью гору. Там, на горе, за рекой Вишнумати две тысячи лет высится над городом древняя буддийская ступа Своямбхунатх, что означает *самовозникшая*. История связывает ее с бурной деятельностью индийского императора Ашоки, правившего на полуострове за пару веков до нашей эры.

С этим царем Ашокой приключилось то же, что с героем притчи, когда правитель сказал отшельнику:

– Ты мой слуга. Почему ты не оказываешь мне почтение?

Мудрец ответил:

– Нет, это ты – слуга моих слуг. Я одержал верх над мирскими страстями и стал их повелителем, а тебя они победили и властвуют над тобой.

Так и Ашока был необузданный в своих желаниях, свирепый, алчный эгоцентрист, который только и делал, что затевал кровопролитные войны, все разрушал и уничтожал на своем пути – ...пока не встретился с учением Будды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.